

**Дворянская усадьба Можайского уезда
в Отечественной войне 1812 года**

В современной отечественной историографии все большее внимание уделяется состоянию дворянской усадьбы в различные периоды российской истории. При этом в литературе особо подчеркивается недостаточная разработанность данной темы для времен Отечественной войны 1812 года. Поэтому по поводу авторы коллективной монографии по истории дворянской и купеческой усадеб отмечали, что «недостаточно изучены масштабы разорения дворянских усадеб в местах, занятых французскими войсками в 1812 году»ⁱ.

Решение поставленного вопроса позволяет «выяснить не только социокультурные аспекты выбранной проблематики (черты и особенности развития дворянских «гнезд», их внутренний и внешний вид, планировка, приусадебное хозяйство), но и военные (последствия боевых действий для материального положения гражданского населения, масштабы разрушения и разорения дворянских имений на оккупированной французскими войсками территории и т. п.).

В этой связи особый интерес вызывает изучение состояния помещичьих владений Можайского уезда, который был в эпицентре боевых действий в период войны 1812 года, в том числе и знаменитого Бородинского сражения.

В основу статьи положены малоизвестные архивные материалы, извлеченные из фондов местных учреждений Московской губернии и хранящиеся в ОДАМ: московской губернской казенной палаты, канцелярии Можайского уездного предводителя дворянства и Комиссии «для рассмотрения прошений от обывателей г. Москвы и губернии, потерпевших разорение от нашествия, не приятеля в 1812 г.» (далее — Комиссия о помощи)ⁱⁱ. В указанных фондах сохранились прошения дворян с просьбой оказать им материальную помощь в связи с разорением собственных именийⁱⁱⁱ. В этих ходатайствах содержалось описание усадьбы и приусадебного хозяйства после военных баталий в августе 1812 г. и занятия французами Можайского уезда. Нам удалось выявить 120 прошений можайских помещиков или их поверенных, при казачиков, бурмистров, управляющих и старост. Распределение подобных источников по фондам было неравномерным. Основной их массив (104 прошения) сосредоточен в фонде канцелярии можайского уездного предводителя дворянства, в недостаточном количестве они сохранились в Комиссии о помощи (11) и московской губернской казенной палате (5); По 13 имениям имеются повторные прошения дворян и их служителей, в том числе по владениям А.М. Протопоповой и Л.И. Назаровой (по 3), а по поместью И.А. Пятина - 4. Отметим, что в повторных ходатайствах информация об имениях не всегда была идентична и нередко взаимно дополняла и уточняла сведения.

Среди тех, кто подал прошения, были представители родовитых российских династий, имеющих владения в Можайском уезде: князя Голицыны (сельцо Барсуково, число крепостных достигало 104 душ мужского пола, далее — д. м. п.), Щербатовы (сельцо Архангельское, Соловьеве, Псареве — 64 д. м. п.), Волконские (село Горетово — 918 д. м. п.). Хованские (село Трепарево, сельцо Хорошилово — 615 д. м. п.), графы Разумовские (село Боличево -- 3851 д. м. п.), Шереметевы (село Ссменниково — 164 д.м.п.) и др.

К сожалению, источники не всегда позволяют судить о состоянии дворянской усадьбы и приусадебного хозяйства; нередко информация в них носит общий характер, суммарно затрагивая как господское, так и крестьянское хозяйство. Сохранились, на пример, такие записи: «господский дом со всеми принадлежащими к нему постройками», господские и крестьянские заведения» и т. п. В двух прошениях указано об отсутствии у дворян недвижимой собственности. Ряд заявлений помещиков носит чисто

информационный характер (о назначении поверенных по делам о возмещении материальных убытков, о предоставлении от усадьбовладельца ополченцев в армию, и своем положении во время войны 1812 года). Следует учитывать и недостаточную сохранность подобного рода прошений. Так, в указанных архивных Фондах не обнаружены сведения об имениях Е.П. Савеловой и Н. Дятлова, расположенных в районе Бородинского сражения. Неполностью дошли до нас документы Комиссии о помощи.

Вызывает интерес и вопрос о происхождении этого комплекса источников. Отечественная война 1812 года и французская оккупация значительной территории Центральной и Западной России принесли огромный финансовый ущерб государству и населению. По далеко не полным данным московских губернских властей, в девяти подмосковных уездах во время летне-осенней военной кампании 1812 года было сожжено (частично или полностью) 514 селений (см. табл.). Основной урон (418 селений, 78,6%) понесли уезды, в которых происходили наиболее масштабные боевые операции и последующая за ними оккупация французами: Можайский (136 селений, или 26,5%), Верейский (127 селений, или 25,135), Подольский (84 селения, или 16,3), Звенигородский (71 селение, или 13,7%). По сведениям мест администрации в 1816 г. в Московской губернии оставалось еще 165 селений, подлежащих восстановлению, в них насчитывал 2683 сгоревших двора. Особенно тяжелой складывалась обстановка в Можайском уезде, где по-прежнему в пепелищах находилось 78 селений и числилось 1367 сожженных дворов (50,9% учтенных сгоревших дворов Подмосковья)^{iv}.

Число селений Московской губернии, сожженных во время Отечественной войны 1812 года

Название уезда	Число селений	% к итогу
Можайский	136	26,5
Верейский	127	25,1
Подольский	84	16,3
Звенигородский	71	13,7
Московский	38	7,3
Рузский	30	5,8
Серпуховский	17	3,3
Богородицкий	7	1,3
Бронницкий	4	0,7
Итого	514	100,0

Правительство принимает экстренные меры по ликвидации последствий войны 1812 года для гражданского населения: выясняются масштабы ущерба, выделяются финансы для оказания помощи пострадавшим дворянам, горожанам и крестьянам. В соответствии с рескриптом императора Александра I в конце января и в начале февраля 1813 г. подмосковные уездные власти получили от московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина предписание «собрать достоверные сведения как в числе наиболее пострадавших от неприятеля семейств и лиц по всей губернии, так и о положении в каком именно они находятся»^v. Одно временно в Санкт - Петербурге создается Общество «сословия при зрении разоренных от неприятеля». Оно получило право «сно ситься с гражданскими губернаторами для доставления способов к удобнейшему подаванию помощи претерпевшим и разоренным». Член Общества граф З.П. Кочубей направил графу Ф.В. Ростопчину особое мнение с просьбой представить сведения «о ...помещиках, кои

не имеют никаких средств к поправлению своего состояния»^{vi}. Эта инициатива Общества и послужила поводом к массовой подаче дворянством Московской губернии прошений о предоставлении им материальной помощи за разоренные имения во время войны 1812 года. При оформлении заявлений (так называемых объявлений) усадьбе владельцы обязаны были дать развернутую характеристику своему пострадавшему хозяйству с указанием: «1-е. Звание имени и фамилии помещиков и семейств их; 2-е. Звание селений, в них какие фабрики и заводы; 3-е. Число ревизских душ мужеска пола с показанием их промыслов; 4-е. Число крестьянских дворов; 5-е. Сколько сожжено и осталось; 6-е. Где крестьяне жительство ныне имеют; 7-е. Есть ли у них лошади и рогатый скот; 8-е. Посеяны ли озимой хлеб и есть ли яровая из семени; 9-е. Есть ли у таковых помещиков в возможном к доставлении строения строевой лес; 10-е. Есть ли за ними другое недвижимое имение, где, какое и сколько душ и 11-е. В возможности ли помещика содержать и восстановить показанное имение свое и нужно ли им пособие от составителя».

vii

Такая информация в виде особых «объявлений» представлялась непосредственно в канцелярию уездного предводителя дворянства. По Можайскому уезду в то время эту выборную должность занимал отставной полковник А.И. Остафьев. В обязанность последнего входила проверка сведений, приведенных помещиками или их служителями и составление специального свидетельства, подтверждающего материальный ущерб заявителя.

В соответствии с установленным порядком собственники движимого и недвижимого имущества, получив подтверждающий документ, могли обратиться в письменном виде с ходатайством о выдаче пособия в Комиссию о помощи или в местную казенную палату. Стремясь получить гарантированную финансовую поддержку от государства, дворяне нередко в своих прошениях приводили дополнительные и весьма интересные сведения о заслугах членов их семей в период Отечественной войны 1812 года. Отдельные прошения (например, А.Н. Усова, В.А. и П.А. Хованских и др.) сопровождалось приложением описей утраченного имущества.

В целом, взятые в совокупности, источники (прошения, объявления, описи имущества, свидетельства) позволяют представить картину материального урона, понесенного дворянством Можайского уезда в войне 1812 года.

Учитывая большой объем информации, в статье рассматривается только состояние дворянских усадеб и приусадебного хозяйства можайских помещиков.

Захваченный французскими войсками Можайский уезд подвергся невиданному со времен «смутного времени» начала XVII в. разграблению.

Лишь по данным анализируемых источников, было разорено или сожжено не менее 100 дворянских владений, в которых проживало более 15 тыс. крестьян. Во время войны материальный ущерб понесли мелкие (27 поместий с населением 323 л. м. п.), средние (39 поместий с населением 1884 д.м.п.) и крупные (34 поместья с населением 13282 д.м.п.) имения. Судя по документам там, во всех владениях, где находились французские солдаты, происходил крупномасштабный грабеж помещичьего и крестьянского имущества, рабочей, крупного и мелкого скота, птицы и зерна. В многочисленных прошениях дворяне указывали на то что «имущество все разграблено, лошади, рогатый скот... без остатку неприятелем угнан, также и птица вся истреблена, разной хлеб из амбаров, также и сено разграблено и яровой хлеб с полей увезен и потоптан». Даже в отдаленных от театра военных действий селениях французы занимались изъятием скота, хлеба и фуража. По свидетельству дворян-очевидцев, реквизированное продовольствие и сено поступали «в село Крымское, где находился их (т.е. французов) лагерь». Однако ряд помещиков (на пример, Б.К. Бланк, Г.С. Волконский) заявляли, что материальный ущерб они понесли не только от «войск неприятеля», но и от русских солдат (особенно потрава посевов)^{viii}.

Можайский уезд из-за военных действий оказался на грани голода. В уезде практически не был собран урожай яровых, а посев озимых культур был осуществлен в ограниченных размерах. Многие помещики не имели семян для посева и запаса хлеба для прокормления дворовых людей и крестьян. Не случайно в прошениях часто было обращено внимание на то, что «яровой остался на корню несжатым», а «озимым хлебом поля не засеяны из-за нашествия неприятеля и ныне земля стоит впусте». Но и посев озимых культур не гарантировал их урожайность в 1813 г. («Поля озимым хлебом

обсеяны, но армиями истоптаны и ко входу его надежды нет».)^{ix}

Военные действия и последующий захват французскими солдатами Можайского уезда сопровождался пожарами и разграблением дворянских «гнезд». По подсчетам на основании выявленных нами документов, полностью или частично сгорели 32 дворянские усадьбы с жилыми или хозяйственными постройками. Проиллюстрируем это наблюдение на отдельных примерах. Помещика Е.Я. Остафьева (село Псареве) сообщало, что его «деревянный дом с бывшими при нем службами, скотным двором и прочим строением... все без остатка сожжено и разграблено, а скот угнан». Владелец села Каржети надворный советник И.И. Озеров информировал власти о том, что его «дом со службами, мельница со всеми инструментами... сожжено неприятелем». В свою очередь капитан И.А. Григорович замечает: «Мой собственный деревянный дом с ...клетями, сараями, овинами, банями, погребом... все неприятелем сожжено».

Сгорели усадьбы подполковника Б.К. Бланка («все до основания господские строения... сожжены»), капитана И.Я. Пятин в селе Ратово («имущество, хлеб и сено сожжено и разграблено»), титулярного советника М.А. Чирикова (село Лыткино). Л.И. Назаровой (село Язево)^x.

Особенно пострадали мелкопоместные дворяне (зафиксировано 13 сгоревших усадеб). Удручающую картину после пребывания французских солдат в селе Золотилово приводит в прошение его владелец подпоручик М.Д. Стогов: «Движимое и недвижимое имение ... разграблено и господское строение, как-то: службы, скотный двор, хлебный амбар, конюшня, сарай, погреб и баня сожжены и ничего не осталось». Одно пепелище свидетельствовало о местонахождении некогда существовавших барских особняков подпоручика О.П. Ларионова (село Сабалкино), штаб-ротмистра П.С. Шахматова (село Псареве). А. Воейковой (село Доронино) и др.^{xi}

Владельцы девяти имений, информируя власти о сохранении усадебных построек, сообщали о их грабеже и погроме со стороны французов. «Дом господский по нашествию неприятеля разорен; в нем пол, двери и окна переломаны, имущество все... разграблено», - сообщает в Комиссию о помощи опекуна над имением покойного коллежского советника Ф.А. Кирина А.А. Чириков. Подпоручик В.А. Богданов (село Полено) заметил, что в связи с «разорением, его (барского дома) и разломке в нем всех принадлежащих к нему окон, полов к проживанию в нем негоден». Неприглядную картину после грабежа французами представляла усадьба М.А. Поповой в селе Цизилева («По нашествии неприятеля в доме полы, двери переломаны, стекла выбиты, мебель изломана и разграблено имущество мое, состоящее в разных вещах, платье, экипаже, хлебе, сене и прочее»). По подсчетам помещицы, убыток составил 2377руб., государство выделило пособие в размере 500 руб.^{xii}

Среди разоренных имений оказалось владение можайского предводителя дворянства отставного полковника А.И. Остафьева в селе Шустикове. В поданном прошении о помощи владелец приводит подробные сведения не только о своем хозяйстве, но и о служебной деятельности. В частности, он отмечает, что «службу продолжал по части военной 1782-го года октября 28-го 1804-го года сентября по 23-е число; от одной по прошению моему за болезнью всевысочайшим... приказом отставлен с мундиром. В военном же звании был в походе с Казанским мушкетерским полком 1804 года июня 10 числа на реке Урюхе, где находился в действительном сражении с кабардинцами, ран не получил. И по нахождению моему во оном сражении пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-го класса 1804 года июня 10 числа. Сверх сего по выбору можайского дворянства находился в милиции уездным начальником 1807 года января с 5 числа. По окончании одной пожалован медалью 1808 года июня 19 числа». В 1810 г. был выбран уездным предводителем можайского дворянства, «в коей должности пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-го класса с алмазами, укрепленный 1812 года июля 17 числа». Находясь в отставке и чине полковника, А.И. Остафьев получал пенсию в размере 120 руб. в год. Он относился к разряду крупноместных помещиков, имея владения в Московской (Можайский уезд село Шустиково, где проживало 127 д.м.п.), Новгородской (Кирилловский уезд село Матвеевское, 4 д.м.п.) и Олонецкой (деревня Прокшино, 12 д.м.п.) губерниях. Во время французской оккупации Можайского уезда в его усадьбе «деревянный дом со всеми принадлежащими к нему постройками разорен, в нем пол, двери, в окнах рамы и мебель переломаны, стекла перебиты, имущество все разграблено,

рогатой скот... весь без ос татку неприятелем угнан, також и птица вся истреблена, разной хлеб из амбаров, также сено разграблено и яровой хлеб с полей увезен и потоптан». Общий ущерб владению А.И. Остафьева был оценен в 26406 руб.. а пособие на восстановление хозяйства было выдано в размере 10 тыс. руб.^{xiii}

При подаче прошений отдельные дворяне обратили внимание на утрату во время пожара крепостных документов и собственных вотчинных архивов. Так, Н.А. Усов (село Княжево) сообщал, что «по ближнему расстоянию от села Бородино ничего не успели вывезти, планы и межевые книги на вес дачи, две жалованные грамоты прадеду моему, ревизские сказки и протчия бумаги сго рели», В свою очередь, Л.И. Назарова указывала на то, что в сельце Язево «крепостные акты с межевными книгами и самое селение превращено в пепел»^{xiv}.

Война значительно подорвала промышленный потенциал Можайского уезда. В помещичьих владениях были разрушены суконные фабрики Н.А. Пушкиной и деревне Аксакове («все разло мано, а прочее все сожжено»), князя обер-прокурора в отставке В.А. Хованского в селе Трепареве («со всеми принадлежащим к совершенной выделке сукон и инструментов и машин, которая да основания сожжена») и коллежского советника князя П.А. Хо ванского в деревне Варлине («фабрика неприятелем со всем, при ней имеющемся инструментом и изготовленными в значительном количестве материалами сожжена»).

Сохранились подробные описания двух фабрик князей В.А. и П.А. Хованских, составленные накануне вхождения в их имения французских войск. На трепалевской фабрике В.А. Хованского имелось 74 стана трепальных, чесальных, подчесальных, прядильных, ткацких и токарных, 70 наковален, 50 пар челноков, 50 берд, 700 единиц столярных, слесарных, токарных и прочих инструментов. Особо отмечалось, что станы «в английский манер сд е ланные действующим лошадиным приводом и водою». На фабри ке на 16 августа 1812 г. находилось 300 половинок сукна и 2500 пуд. шерсти.

Не менее мощной была суконная фабрика князя П.А. Хованского, расположенная в деревне Варлине. Предприятие состояло из двух производственных деревянных корпусов (шириной 4 саж., длиной 22 саж., высотой 5 аршин), к ним были пристроены два деревянных на каменном фундаменте флигеля (3х3 саж., высотой 5 аршин) и хлебный магазин (шириной 5 саж.. длиной 12 саж., высотой 7,5 аршин). В корпусах размещались 35 ткацких станов, 50 пар прядильных челноков, 176 прядильных колес, 2 сновальни, 4 верстака, 160 слесарных тисков, 2 токарных стана, 77 скребл, 50 берд, 8 пар рубанков, 5 пил и т.д. На момент французского налета на фабрике имелось 463 пуд. шерсти, 301 пуд пряжи, мас ла конопляного 97 пуд., клея 8 пуд., сукна 140 пуд., свеч 49 пуд. По подсчетам приказчика, ущерб имению составил 65544 руб.

На фабриках использовался труд крепостных крестьян, а продукция поступала по подрядам в армию. Материальный урон, нанесенный Хованским, практически привел их к разорению. По этому поводу приказчик князя П.А. Хованского писал: «Госпо дин мой по всем вышеписанным резонам показанного разорен ного имения восстановить не может, ибо от вражеской руки ли шен всех доходов, которые единственно состояли от выделывае мых на фабрике сукон»^{xv}.

Были разрушены и сожжены водяные и ветряные мельницы в имениях майора Д.В. Давыдова (на речке Колоче), надворного советника И.И. Озерова (при деревне Кобяково), юнкера М.И. Озерова (при селе Сакольникове), прапорщика П.А. Хоненева (при сельце Рахманово)^{xvi}.

Но особенно ощутимый материальный урон понесло приусадебное хозяйство тех помещиков, имения которых располагали в центре боевых сражений на Бородинском поле — село Бородино, деревни Семеновское, Горки, Валуево, сельца Псареве, Беззубово, Новое, Малое, Фомкино и др. Так, действительный статский советник И. Г. Войков заметил: «По несчастному случаю чрез вторжение врага Отечества в пределы России разорено, разграблено и напоследок сожжено имение мое, состоящее Можайского уезда в селе Бородине, сельце Алексине, деревнях Семеновские и Горки ... все без остатку с господскими и крестьянскими домами, с разными экономическими заведениями, со скотом и со птицей, с хлебом в гумнах стоящего и в амбарах хранящего». Староста А. Якимов (владение А.В. Давыдовым в селе Бородине) указывал на то, что «господский дом со службами, крестьянских 32 двора все оное сожжено». При этом особо подчеркивался тот факт, что основная посевная площадь находилась «в наемной даче, где было главное

сражение, а по тому ж весь сбит и всходу ожидать неможно, ярового на семена не имеется». Полностью сгорела усадьба и А.А. Полозовой в деревне Валуево («все оно состояло по большой Смоленской дороге от села Бородино в трех перстах сожжено». Сгорели так же усадьбы А.В. Давыдовой, П.А. Замятиной и Н.А. Усова в сельцах Фомкино, Беззубово, Новое и Малое. Управитель поместья Н.А. Усова сообщал о том, что в сельце Новое господский дом со всем строением, амбары со ржаным, и яровым хлебом... все неприятелем, разграблено, то и семян ярового хлеба иметь ни я, ни крестьяне мои не могут». Помещица Е.Я. Остафьева доносила властям, что ее «сельцо Псаревое, состоящее вблизи села Бородино, а именно в четырех верстах, где было главное сражение, все без остатка сожжено и разграблено, а скот угнан»^{xvii}.

Особый интерес представляют те прошения дворян, в которых содержатся сведения о их личном вкладе в победу над врагом в войне 1812 года. Например, прапорщик М.И. Озеров указывал на то, что «год и шесть месяцев... находился в походе против неприятеля в действующей армии, в сражениях был несколько раз, но не ранен». Служащий Воспитательного дома И. Остафьев (муж Е.Я. Остафьевой) при вступлении французских войск в Москву «был послан с прочими чиновниками для закупки хлеба для воспитанников обою пола по недостатку одного, с тем, чтобы, пользуясь поводом, могли они дать известие российским войскам о выхождении из Москвы неприятельских войск, что и исполнено им вместе с посланными с точностью».

Дворянин Г.И. Микулин напоминает властям о том, что во время войны 1812 года был назначен тысячным начальником в дворянском ополчении. Интересен также эпизод из биографии времен войны исправника Можайского уездного суда Д.Ф. Кобылина. В прошении на имя А.И. Остафьева он просит особо подтвердить факт его участия в сборе с Можайского дворянства денег на закупку продовольствия для армии. В частности, он замечает: «Не безызвестно вам, что я, находясь при должности в земском суде исправником и до времени нашествия неприятельской армии по обязанности моей находился в городе Можайске... Прошу вас снабдить... в сохранении находившихся у меня в то время собранных с дворянских душ на продовольствие армии денег 10025 руб. аттестатом».

Некоторые помещики особо напоминают властям о посылке собственных крепостных в Московское ополчение. Так, выясняется, что с Можайских, рузских и верейских вотчин Г.С. Волконского был собран 191 ополченец (из них 109 человек погибло), И.А. Пятина (сельцо Ратово) — 9 ополченцев (5 человек погибло). Л.А. Григорович (деревня Митьково) — 9 ополченцев («в нашествие сюда неприятеля пропали без вести»), Л.К. Разумовского (село Боличево) — 385 ополченцев^{xviii}.

Анализируемые источники позволяют уточнить или дополнить картину тех военных событий, происшедших непосредственно в Можайском уезде в 1812 г. Выясняется, что владелец сельца Псаревое Я.И. Кречетников «неприятелем во время нашествия убит». Кроме того, погиб заседатель Можайского уездного суда Я.И. Ларионов, а его усадьба в сельце Грязи разграблена. В свою очередь, подпоручик Протопопов в войну 1812 года был выбран от Можайского дворянства «для принятия и хранения оружия». Он сообщал А.И. Остафьеву о том, что «во исполнение предписания вашего от 6-го сего августа с № 52 принято мною августа 12 числа с вотчины госпожи бригадирши Обуховой сельца Головина железных с дровками 13 пик».

Часть дворян подробно описывает свое непростое положение на момент вступления французских войск в Можайский уезд. В частности, Л.И. Назарова пишет: «Услыша о приближении к Можайскому уезду неприятельских французских войск отъехала я вместе детьми моими к родственникам в Ярославскую губернию. После чего французы... означенное имение мое совершенно истребили все без остатку, как-то: хлеб, скот и прочее господское и крестьянское имущество». Помещица А.А. Микулина (село Апарино) указывает на тот факт, что во время оккупации «я сама с детьми находилась у неприятеля в плену»^{xix}.

Анализируемые документы позволяют воссоздать типовой облик дворянских «гнезд» начала XIX в. на территории Можайского уезда. Помещичья усадьба в деревне в то время представляла обычно единый комплекс жилых и хозяйственных построек размещенных на особой земельной площади. Центром такой сельской усадьбы являлся господский дом, где временно или постоянно проживал усадьбовладелец и члены его

семьи. Судя по документам, можно выделить три типа барских особняков: деревянные, деревянные на каменном фундаменте и каменные. Последних было очень мало: зафиксированы в двух прошениях. Ими владели Н.Д. Воейкова (двухэтажный дом в селе Ильинском) и П.А. Хоненев (сельцо Рахманово).

Деревянные дома на каменном фундаменте были отмечены у А.П. Замятиной (сельцо Беззубово), М.Л. Чиркова (сельцо Лыткино) и И.А. Григоровича (деревня Митьково).

Можайские помещики А.Н. Усов и О.П. Ларионов имели по два собственных дома.

Очень скудны данные лоточников о внешнем и внутреннем виде особняков. Упомянуты сени, антресоли, двери, оконные рамы со стеклами, полы, печи. Кровля жилых помещений обычно ставилась из теса. В трех случаях владельцы приводят сведения о размерах своих жилых построек. Так, помещик «Средней руки» И.А. Григорович в деревне Митькове имел дом в длину 15 саж., а в ширину 13 саж., несколько меньшими размерами выделялись постройки М.А. Чирикова в сельце Лыткино (9 x 7 саж.) и А.П. Замятиной в сельце Беззубово (10x10 саж.)^{xx}.

Еще реже упоминаются данные об усадебной обстановке. Среди безвозвратно утраченных вещей во время войны домовладельцы указывают на посуду (заграничные сервизы, изделия из хрусталя, фарфора, фаянса, стекла, чайные приборы), мебель и предметы домашнего обихода (зеркала, люстры, гарнитуры из красного и простого дерева, фортепьяно), одежду (женские и мужские шубы), белье (одеяло, наволочки)^{xxi}.

Значительно чаще в документах дается характеристика хозяйственных и вспомогательных построек усадьбы. В крупнопоместных владениях, как правило, к господскому особняку пристраивались флигеля, например у Н.Д. Воейковой с двух сторон дома в селе Ильинском были построены два каменных флигеля, а еще один был возведен на скотном дворе. Флигеля упоминаются именами П.А. Хоненева (сельцо Рахманово), П.А. Замятиной (сельцо Беззубово), И.И. Озерова (сельцо Кобяково), М.И. Озерова (село Сокольниково). Два жилых флигеля находились при суконной фабрике князя П.А. Хованского в деревне Варлине. Такие же флигеля встречались и в отдельных среднепоместных усадьбах. В частности, Д.В. Давыдов особо указывал на свой барский дом в сельце Фомкино «со службами и особыми флигелями». А дворянин М.А. Чириков приводит даже размеры подобных построек («при оном /доме/ два флигеля, первой в длину 7 попереч 3 саж., последний в длину 4 попереч 3 саж., все оное крыто тесом»).

По мелкопоместным владениям среди «господских разных служб» флигеля обычно не практиковались.

За жилыми постройками владельца следовал целый комплекс хозяйственных строений усадьбы. По числу возведенных сооружений особенно выделялось имение Н.Д. Воейковой в селе Ильинском. Здесь размещались особые конные и скотные дворы, внутри которых все сооружения (конюшня, «людские» избы) были из кирпича. Среди других построек отметим каменные амбары, каменный каретный сарай, погреба, кухню.

Подобным же образом выглядит усадьба П.А. Замятиной, в состав которой входили конюшенный, каретный и санный сараи, кухни, погреба, баня, две риги, скотный и конный дворы, кузница, водяная мельница с двух поставов.

Такой же вид имела крупная усадьба П.А. Хоненева и сельцо Рахманово, включающая конный и два скотных двора, два санных сарая, две риги, два амбара, 5 «людских» изб, хлебный магазин, кузницу и мельницу.

В усадьбе И.И. Озерова в сельце Каржени находились кухня, каретный сарай, конюшня, два погреба, два кладовых амбара, 5 житниц, 3 сарая «для поклажи», скотный двор, 9 «людских» изб и клетей, водяная мельница с трех поставов (при деревне Кобяково)^{xxii}.

Значительно скромнее выглядит усадебное хозяйство средне-поместных дворян. Так, в имении И.А. Григоровича (деревня Митьково) среди хозяйственных построек имелись клетки, сараи, овины, погреба и баня. В усадьбе Д. В. Давыдова (сельцо Фомкино) располагался «двор с тремя избами...и мельницею».

Еще более скромно выглядел состав хозяйственных построек мелкопоместных владельцев. Например, Е.И. Шишкина указывала на наличие в сельце Строево амбара, сарая и овина. Усадьба М.Д. Строгова в сельце Золотилово была представлена скотным двором, хлебным амбаром, конюшней, сараем, погребом и баней^{xxiii}.

Довольно скупы сведения источников об усадебных садах. Только в двух прошениях обращено внимание на наличие в барских имениях теплиц (П.А. Замятиной в сельце Беззубово и П.А. Волконского и селе Горетово). Так, по селу Горетово указано, что имеется «теплица ананасовая с фруктовыми деревьями»^{xxiv}.

Как видно, приусадебное хозяйство можайского помещика определялось уровнем его материальной обеспеченности.

Итак, приведенный архивный материал позволяет представить масштабы того материального ущерба, который понесли дворяне Можайского уезда в период Отечественной войны 1812 года: десятки имений были сожжены или разграблены. На восстановление дворянского хозяйства в уезде требовались значительные финансовые средства, которые исчислялись миллионами рублей.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Дворянская и купеческая усадьба в России XVI—XX вв.: Ист. очерки. М., 2001. С. 20.

ⁱⁱ ЦИАМ. Ф. 20, 51, 392.

ⁱⁱⁱ Подобного типа документы по Ружскому уезду привлекались С.А. Малышкиным в статьях: Усадьбы Ружского уезда в 1812 г. // Остафьевский сборник. М., 1995. Вып. 3,; Источники по истории «подмосковной» усадьбы в 1812 г. (на примере усадьбы кн. Хованских «Воскресенское») // Источники по истории русской усадебной культуры. Ясная Поляна; М., 1997.

^{iv} ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 29. № 257. Л.50-51.

^v Там же. Ф. 383. Оп. 1. № 188. Л. 5,56.

^{vi} Там же. Ф. 494. Оп. 1. №43. Л.3.

^{vii} Там же Л. 3 об

^{viii} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 59. Л.1-4; Ф.51. Оп.17. № 553 Л. 1-2.

^{ix} Там же. Ф. 51. Оп. 17. № 553. Л. 1-2; Ф.392. Оп. 1. № 5. Л. 3, 5, 6, 11,29.

^x Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 44. Л. 1-1 об; Ф.392. Оп. 1. № 5. Л. 5,6, 16, 37, 58-59, 74, 80, 101-102.

^{xi} Там же. Ф. 392. Оп. 1. № 5. Л. I, 3, 8, 9, 11.

^{xii} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 26. Л. 1-2; №49. Л. 1.

^{xiii} Там же Ф. 51. Оп. 17. № 553. Л. 1-3.

^{xiv} Там же. Ф. 392. Оп. 1. № 5. Л. 58-59, 137.

^{xv} Там же. Л. 23, 88-93, 155-159.

^{xvi} Там же. Ф. 51. Оп. 17. № 552, Л. 1-2; Ф.392. Оп. 1. № 5. Л. 74,84-85, 146.

^{xvii} Там же. Ф. 20, Оп. 1. № 44. Л.1-1об.; Ф.51. Оп. 17. № 296. Л. 1; Ф.392. Оп. 1. № 55. Л. 15, 31, 84-85, 137, 149, 162

^{xviii} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 36. Л. 1-2; № 44. Л. 2-2 об; Ф. 51. Оп. 17. № 52. Л. 2, Ф. 392. Оп. 1. № 5. Л. 16, 18, 37,44-46, 79об.

^{xix} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 44. Л. I; Ф. 392. Оп. 1. Л. № 5. Л.62, 58-59, 74 об, 83.

^{xx} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 66. Л. I; Ф. 51. Оп. 17. № 296. Л. 1-2; №392. Оп. 1.Л.№5. Л. 6, 237.

^{xxi} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 59. Л. 1-4; № 961. Л. 1-3; Ф. 51. Оп.17. №296. Л. 1-2.

^{xxii} Там же. Ф. 51, Оп. 17. № 296. Л. 1-2; Ф. 392. Оп. 1. № 5, Л. 5, 6, 56-57, 74-76, 84-85, 124, 146. 155-159об.

^{xxiii} Там же. Ф. 51. Оп. 17. №296. Л. 1-2; Ф, 392. Оп. 1. №5. Л. 1,37, 39, 74, 84-85, 124, 146.

^{xxiv} Там же. Ф. 51. Оп. 17. №296. Л. 1-2; Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 147.